

На правах рукописи

Литинская Джинна Григорьевна

**Экзистенциальный эскапизм как
социокультурный феномен
современного общества**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и политологии
ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук
Шеманов Алексей Юрьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Шапинская Екатерина Николаевна,
главный научный сотрудник сектора
теории социокультурных процессов и систем
ФГБНИУ «Российский институт культурологии»

кандидат философских наук
Дуденкова Ирина Васильевна,
доцент кафедры общей социологии
и социальной философии ФГБОУ ВПО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»

Ведущая организация: **ФБГОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»**

Защита состоится 25 июня 2012г. в 12.30 час. на заседании
диссертационного совета Д 521.004.03 при ННОУ ВПО «Московский
гуманитарный университет» по адресу: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1,
корпус 3, ауд. 511.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ННОУ ВПО
«Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан « » мая 2012г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. К. Сквиков

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования в значительной мере определяется тенденциями развития современного общества, связанными с глобализацией, информатизацией, трансформацией существующих социокультурных моделей. Изменение существующих парадигм развития социальных систем приводит к сложностям адаптации и идентификации, где интенсификация социальных изменений естественным следствием имеет нарушение механизмов включения человека в социальные сообщества, а частота смены информационных систем и увеличение количества самой информации приводит к трудностям ее усвоения и необходимости выработки новых механизмов восприятия, архивирования и актуализации информационных баз данных. Дробление общества на локалии, требующие подключения к самым различным смыслам и ценностным системам, ориентация в социальных практиках на смену образа деятельности и образа жизни требуют от человека особой социальной мобильности и социокультурной адаптивности. Данная ситуация приводит к смещению представлений человека о себе самом и об окружающем его мире, учитывая, что в рамках даже одной социокультурной системы могут присутствовать различные, противоречащие друг другу тенденции, создающие трудности социокультурной адаптации для человека современного открытого общества; она создает ощущение социальной и информационной фрустрации, что приводит к бегству человека от существующей реальности и его ориентации на стратегии экзистенциального эскапизма. Этот факт свидетельствует об актуальности исследования экзистенциального эскапизма как феномена, характеризующего развитие современного общества.

Кроме того, здесь существуют и причины гносеологического порядка, связанные с недостаточной изученностью уже не только самого социокультурного явления эскапизма, но и эскапизма как понятийного конструкта. Эскапизм – понятие, достаточно часто используемое как в обыденной речи, так и в научной литературе, однако в качестве термина, обозначающего характеристику современного образа жизни, он остается недостаточно изученным. Обычно эскапизм рассматривают как мировоззрение или стиль жизни, подменяющий реальные отношения с миром воображаемым. Современные исследования сосредоточены на анализе эскапизма как формы бегства от повседневной реальности с ее все усложняющимся набором социальных требований к индивиду (в этом качестве эскапизм рассматривается как одна из отличительных характеристик отношения к миру современного человека наряду с другими его типичными чертами – такими, как

консьюмеризм, индивидуализм, виртуализация мировосприятия и др.). Однако в настоящее время остается недостаточно проработанным экзистенциальный смысл современного эскапизма, что составляет предмет исследования настоящей работы. Особая актуальность его изучения определяется, в том числе, необходимостью анализа феномена самоубийств, совершаемых без видимых причин и вне связи с явной патологией, рост числа которых является одной из социальных проблем современности. Сегодня становится очевидным, что все существующие исследования, связанные с данной проблематикой и представляющие определенные модели как анализа, так и философского разрешения данного феномена, явно нуждаются в дополнении и уточнении, что и определяет актуальность темы исследования.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной философской литературе эскапизм упоминается в работах ряда авторов (М.А. Грсков, П.С. Гурсвич, Ю.А. Замошкин, А.В. Кукаркин, Р.Я. Подоль, В.П. Шестаков, Е.Н. Шапинская). Также это явление затрагивается в контексте психологических исследований (Д.А. Кутузова). В литературе советских лет эскапизм рассматривается как признак «разложения буржуазного общества» и связывается с нигилизмом и упадком, в современном же прочтении выступает как явление инструментарное, как форма бегства от повседневной реальности с ее все усложняющимися социальными требованиями.

Эскапизм представлен в качестве глобального явления современности и в ряде культурно-философских исследований западных авторов (А. Эванс, П. Холлэндер, Е.Ф. Туан, Д. Келльнер, К. Гамельтон, Е. Мэйл, М.Р. Нельсон). В работах Эванса и Холлэндера понимание явления эскапизма ограничивается представлением о нем как об «отклонении от нормы»; в работе Туана идея эскапизма рассматривается в связи с парадоксальностью культуры. Само различие подходов к пониманию эскапизма показывает, что в современной культуре эскапизм существует как сложный социокультурный феномен. Он отражает такие процессы в культуре современности, которые выражаются в кризисе самоидентификации и других явлениях – росте консьюмеризма, индивидуализме, виртуализации восприятия реальности и др.

Тема одиночества, имеющая большое значение для понимания феномена экзистенциального эскапизма, раскрывается в философских работах многих авторов (Н.А. Бердяев, А.Э. Воскобойников, Э. Левинас, А. Лэнгле, В.А. Сакутин Ж.П. Сартр, Р. Сейденберг). Однако было бы неверно отождествлять одиночество и эскапизм, поскольку, во многом обладая схожими чертами, эти явления онтологически различны.

Не менее важны для исследования феномена экзистенциального эскапизма проблемы самоидентификации человека в современном обществе. Они являлись предметом исследования многих специалистов из разных областей гуманитарного знания. В философском дискурсе эта тема нашла отражение, в частности, в работах западных авторов (Ж. Бодрийяра, Р. Бультмана, Б. Вальденфельса, Р. Гвардини, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Э. Левинаса, Г. Марселя, М. Мерло-Понти, П. Тейяр де Шардена, П. Тиллиха, П. Рикера, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, В. Хесле, Н. Элиаса, Д. Юма, К. Ясперса и др.), а также отечественных авторов (М.В. Заковоротной, П.С. Гуревича, Е.Г. Трубиной, А.Ю. Шеманова и др.). Комплекс проблем самоидентичности неоднократно подвергался анализу и в психологическом дискурсе (А.В. Антонова, Е.П. Белинская, Л.С. Выготский, И. Кон, Ж. Лакан, Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, Г. Олпорт, В. Франкл, Э. Эриксон, К.Г. Юнг), и социологическом (Х. Беккер, П. Бергер, З. Бауман, Э. Гидденс, И. Гофман, Дж. Мид, Ч. Кули, и др.).

Для понимания механизмов, особенностей и структуры формирования самоидентичности человека в контексте феномена эскапизма крайне важно изучение трансформаций современного общества. Это и развитие информационных технологий, и проблема массового общества, и виртуализация жизни человека. Все эти темы рассматриваются в работах Г.К. Ашина, Р. Барта, Ж. Батая, З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Э. Гиденса, Э. Геллнера, Х.У. Гумбрехта, Ю.Н. Давыдова, Ж. Деррида, С. Жижкека, М.В. Заковоротной, Д.В. Иванова, М. Каствельса, А.В. Костиной, Вал.А. Лукова, А.И. Шендрика, В.П. Шестакова, А.Я. Флиера, М.А. Хевеши, Ф. Уэбстера, У. Эко и других.

Также неизбежным при феноменологическом исследовании экзистенциального эскапизма становится обращение к теме Другого, разработанной в русле феноменологии в работах М.М. Бахтина, М. Бубера, А.А. Грякалова, Б. Вальденфельса, А. Камю, Э. Левинаса, Г. Марселя, П. Рикера, П. Тиллиха, Ж.-П. Сартра, В. Франкла, Ю. Хабермаса и др.

Экзистенциальные аспекты бытия человека, необходимые для понимания эскапизма, находим в работах таких мыслителей как, Н. Аббаньяно, С. де Бовуар, М. Босс, Л. Бинсвангер, А. Камю, С. Кьеркегор, Э. Левинас, А. Лэнгле, Р. Мэй, Г. Марсель, П. Рикер, Ж.-П. Сартр, П. Тиллих, В. Франкл, М. Хайдеггер, К. Ясперс и других.

Крайняя форма эскапизма – самоубийство имеет давнюю философскую и социологическую традицию изучения, представленную работами

С.С. Аванесова, Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского, И.И. Евлампиева, Э. Дюркгейма, А. Камю, И.П. Красенковой, И. Паперно, Д. Юма, а также традицию психологической интерпретации (А.Г. Амбрумова, В.С. Ефремов, В.И. Красиков, И.Л. Полотовская, Л.И. Постовалова, В. Франкл, Э. Шнейдман). В представленной диссертации основное внимание уделяется работам, в которых суицид берется в его экзистенциальном измерении, в контексте осмысления человеком собственной жизни. Это, в свою очередь, невозможно без анализа философского осмысления парадигмы смерти в современном обществе, который представлен в работах Б.С. Братуся, П.С. Гуревича, А.В. Демичева, И.С. Кона, В.В. Подороги, В.Л. Рабиновича, Ж.-П. Сартра, Б.А. Старостина, М. Хайдегера, Ю.В. Хен, К. Ясперса и других.

Объект исследования – эскапизм как феномен современного общества в его социокультурном измерении.

Предметом исследования является экзистенциальный эскапизм как особый феномен осознания человеком собственной идентичности, т.е. особенности самоидентичности, мы-идентичности и представлений о мире людей, которые ведут человека к разрыву связей с другими и миром, делают его эскапистом.

Цель исследования – разработка концепции экзистенциального эскапизма как феномена бытия человека в социокультурном контексте современного общества.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- создать типологию эскапизма на основе функциональной природы его проявлений;
- определить специфику проявления экзистенциального эскапизма в контексте процесса самоидентификации;
- выявить факторы, обуславливающие массовость проявлений эскапизма в современном обществе;
- провести анализ культурно-исторических предпосылок возникновения ситуации эскапизма как массовой тенденции современного общества;
- проанализировать специфику функционирования современного либерального общества как условия развития феномена экзистенциального эскапизма;
- выделить культурные тенденции развития современного общества, побуждающие к экзистенциальному эскапизму как разрыву связей с Другим, миром, своей социальной группой;

– выявить альтернативные пути самоидентификации человека в современном виртуализированном обществе.

Методологические основы исследования. Автором работы использованы *феноменология и герменевтика* как специфические методологии исследования общества; его феноменов, происходящих в нем процессов.

Исследование выполнено в соответствии с базовыми посылками *феноменологического* метода, основанного Гуссерлем и в дальнейшем по-разному переосмысленного, – в представленной работе наиболее важны интерпретации А. Шюца, Э. Левинаса и П. Рикера. Феноменологический подход позволяет избежать гносеологической дихотомии субъективного и объективного понимания феномена, сохраняя различие экзистенциально-личностной и социально-феноменологической установок его описания.

Так же важен в данной работе подход *герменевтический*. Как явление и социальное и духовное, требующее, вследствие своей парадоксальности, и эмпирической и экзистенциальной интерпретации, эскапизм не может анализироваться без рассмотрения философской рефлексии ситуации существования современного человека. Еще одним существенным элементом герменевтической методологии является обращение в работе к философским текстам авторов от нового времени до 60-70 годов XX века, которые выступают, как свидетельства культуры и процессов развития общества определенной эпохи, что позволяет нам рассматривать те или иные воззрения данных авторов в контексте их восприятия представителями данной культуры: в контексте популярной культуры, как характерные репрезентации культуры определенного социального слоя и т.п.

Так как речь в представленной работе идет, в первую очередь, о человеке в ситуации отчуждения, для нас важен *экзистенциальный* подход к пониманию проблемы, заявленной в исследовании, связанной с рассмотрением способа бытия общества и человека в нем. То есть анализируется не действительное индивидуальное существование человека, а его рефлексированная составляющая.

В работе также применяется *структуралистский* подход как методология дифференциации феномена эскапизма в системе его отношений с близкими ему явлениями (одиночеством, изгойством, внутренней эмиграцией), с существенными для его генезиса феноменами (маргинальность, ксенофобия), в целях типологии эскапизма (различение инструментально-адаптивных видов и экзистенциального эскапизма), а также для прояснения форм культурной

детерминации сознания эскаписта (таких, как ментальность, стратегии самоидентификации).

Существенное значение имеет *диалектическая* методология как подход к анализу парадоксальности явления эскапизма, соединяющего в себе свободную самодетерминацию к отказу от Другого с культурной детерминированностью подобного отказа, а также к использованию понятий нормы, чуждого, маргинального и т.п.

Гипотеза исследования. В работе выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что в обществе, по мере его развития от Нового времени до сегодняшних дней развивались социокультурные процессы, ставшие причиной того, что эскапизм (включая его крайнее выражение – суицид) становится значимой тенденцией современности. Идея свободы как высшей ценности получила гипертрофированное развитие, после того как потерпели крах другие попытки построения утопических систем. В связи с модернизацией общества и всеобщей доступностью к почти безграничному информационному полю, нарастанием массового производства, переносом основного модуса бытия человека в виртуальное пространство, стали доступны новые пути самоидентификации, не требующие «Встречи» с Другим (Э. Левинас). Возможность множественной идентификации, в частности, идентификации внутренне противоречивой, привела к трудностям в восприятии мира как целостности и к созданию тесных социальных связей, а также к массовому кризису смыслоутраты. В результате идея свободы абсолютизировалась до свободы от Другого, и даже от себя самого – экзистенциального эскапизма. При этом принципиальная осознанность для человека такого выбора, сама возможность делать этот выбор и многократно менять его содержит в себе ресурс разрешения кризиса – возможность осознанного обращения к Другому.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- на основе функциональной природы эскапизма предложена типология эскапизма, описан тип экзистенциального эскапизма, включая его крайнюю форму – самоубийство;
- эскапизм рассмотрен как социокультурный феномен, отражающий проблему самоидентификации;
- феномен экзистенциального эскапизма показан как характеризующийся парадоксальностью, способный одновременно выступать в качестве воплощения свободы и не-свободы человека;
- выявлена обусловленность возникновения стратегий самоидентичности, приводящих к массовым проявлениям эскапизма в

современном обществе, культурными процессами, инициированными Французской революцией;

– прослежена историческая канва трансформации идеи свободы – от ее манифестации в лозунгах Французской революции до абсолютизации в ответ на развитие тоталитарных режимов XX века;

– показано как виртуализация реальности ведет к деконструкции утопического идеала свободы, увеличивая количество возможных для реализации идентичностей и снижая возможность самоидентификации через Другого;

– определена точка бифуркации, в которой экзистенциальному эскапизму альтернативой становится восстановление возможности экзистенциальной встречи с Другим.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется возможностью его использования в дальнейшей разработке проблемы социального эскапизма. Теоретическая значимость работы становится особенно важной в связи с тем, что до сегодняшнего дня в теоретических и практических разработках эскапизм рассматривался главным образом как инструментальная стратегия социального поведения, служащая «бегству от...» давления рутин повседневности. Анализ феномена экзистенциального эскапизма практически не проводился. Комплексное, углубленное изучение данного феномена поможет пониманию определенных тенденций, характерных для современного общества, решению как сугубо прикладных проблем, – таких, как рост суицидальности, так и фундаментальных, – таких, как введение феномена экзистенциального эскапизма в сферу научного обсуждения. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла студентам вузов философских, культурологических, социологических, психологических специальностей и аспирантам того же профиля.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Содержание диссертационного исследования соответствует специальности *09.00.13 – Философская антропология, философия культуры*. Содержание различных глав и параграфов диссертационного исследования соответствует следующим пунктам области исследования: п. 2.7. Философия личности и проблема идентичности; п. 2.8. Феномены человеческой субъективности; п. 2.14. Экзистенциальная антропология; п. 2.19. Психоаналитическая антропология; п. 3.27. Культура и социум; п. 3.30. Аксиология культуры; п. 3.31. Герменевтические проблемы исследования культуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На основе функциональной природы эскапизма можно выделить два его типа: инструментальный (служащий целям адаптации человека в социуме) и экзистенциальный (проявляющий себя в осознанном разрыве связей с другими и миром в ситуации смыслоутраты). Момент осознания отказа от Другого выступает в качестве «точки бифуркации» в ситуации поиска выхода из экзистенциального кризиса, которая открывает возможность реализации либо открытости Другому, либо отказу от него. Крайняя форма эскапизма – самоубийство – одновременно является свидетельством экзистенциальной нужды в подлинной встрече с Другим.

2. В современном обществе человек является наследником культурной ситуации, в которой выбор своей индивидуальной идентичности является экзистенциальной проблемой, адресусмой ему образом жизни. Добровольность выбираемой стратегии избегания как отказа человека от других показывает, что эскапизм является способом самоидентификации.

3. Экзистенциальный эскапизм как следствие пребывания человека в границах сложной и противоречивой современной культуры характеризуется парадоксальностью: с одной стороны, будучи добровольным разрывом социальных связей, он представляет собой экзистенциальную реализацию свободы человека как одного из ключевых идеалов европейской культуры, с другой стороны, эскапизм изначально задается виртуализированной реальностью современного общества, определяющей его не-свободу и актуализирующей процессы отчуждения.

4. Культурная ситуация, сложившаяся в Новое время и выраженная в лозунге Французской революции «Свобода, равенство, братство», определила потребность в новых координатах самоидентификации человека, придав им статус достижимой цели. Тем самым была инициирована социальная активность, направленная на изменение существующих социальных структур, итогом чего стала последовательная деструкция традиционного общества.

5. Классический либерализм, берущий начало от идеалов Французской революции утверждал примат реальности над утолическим идеалом. Трансформация либерализма в ответ на вызов популистских идеологий тоталитарных режимов XX века выразилась в абсолютизации идеи свободы, доведении ее до абсурда: идеи свободы от Другого.

6. В современном мире человек оказывается перед сложной экзистенциальной задачей: найти баланс между свободой своих действий и ответственностью перед другими. Однако виртуализация реальности ведет к

потере Другого. В результате этого процесса отчуждения нарастает ощущение смыслоутраты и возникает экзистенциальный вакуум. Невозможность идентифицироваться через Другого приводит к закономерному результату – эскапизму, в том числе, в крайних формах.

7. Наряду с ранее известными стратегиями выборов самоидентичности – *конформизмом* (нахождение человека в поле выбора других) и *тоталитаризмом* (отказ человека от самого акта выбора и предоставление его другим) – существует третий вариант – *экзистенциальный эскапизм* (отказ человека от возможности бытия Другого), включая его крайнюю форму – добровольный уход из жизни. Альтернативой эскапизму становится восстановление возможности экзистенциальной встречи с Другим.

Апробация результатов исследования:

1. Основные положения и результаты исследования получили отражение в 13 публикациях, статьях и текстах тезисов научных докладов (из них 3 – в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, а также 6 в сборниках материалов международных и всероссийских конференций).

2. Отдельные тезисы и выводы докладывались и обсуждались на 8 международных, региональных, межвузовских конференциях: Международной конференции V чтения памяти Л.С. Выготского «Культурно-исторический подход и исследование процессов социализации» (Москва, 2004), II Международной научно-практической конференции «Девияция семьи и семейных отношений: социальный контроль в образовательном учреждении» (Москва, 2008), III Международной научно-практической конференции «Девияция и ее креативный потенциал в развитии социальных процессов: образовательное учреждение как институт реализации принципа равных возможностей» (Москва, 2009), VI Всероссийской научно-практической конференции «Психология образования: социокультурный ресурс национальной инициативы «Наша новая школа» (Москва, 2010), VI Всероссийской научно-практической конференции «Психология образования: социально-культурный ресурс Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа»» (Москва, 2010), V Международной научно-практической конференции «Девияция и обеспечение интеллектуальной безопасности образовательного пространства» (Москва, 2011), XII Международных чтениях памяти Л.С. Выготского «Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры» (Москва, 2011),

VI Международной научно-практической конференции «Девиация и информационное пространство образования» (Москва, 2012).

3. Диссертация обсуждена на заседании кафедры философии, культурологии и политологии Факультета международных отношений, культурологии и туризма ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет», где получила положительную оценку и рекомендована к защите, 06 апреля 2012 г. (протокол № 10).

4. Полученные результаты проведенного исследования были внедрены:

– сотрудниками ФБГНИУ «Российский институт культурологии» в работе над темой «Анализ историчности человеческого существования в контексте практик субъективности»;

– автором в учебном процессе на кафедре нейро- и патопсихологии факультета медицинской психологии ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» при разработке учебных программ и чтении курсов студентам: «психология отклоняющегося поведения», «психология коррекции девиантного и делинквентного поведения», «особенности самосознания при пограничных личностных расстройствах».

– автором в учебном процессе при чтении лекций студентам ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет» по учебным дисциплинам «Теория культуры», «Философия культуры», «Культура массового и элитарного» на факультете международных отношений культурологии и туризма.

Структура работы обусловлена логикой раскрытия темы и состоит из введения, трех глав, включающих 10 параграфов, заключения, списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, степень её разработанности и научная новизна; определяются объект, предмет, цель, задачи исследования, его теоретико-методологические основы, методы, гипотеза; формулируются наиболее существенные результаты, обладающие научной новизной и являющиеся предметом защиты; дается обоснование теоретической и практической значимости; указывается соответствие диссертации паспорту научной специальности; отмечена апробация результатов.

В главе I «Экзистенциальный эскапизм в контексте современных социокультурных проблем» анализируются понятия, которые позволяют подойти к формулировке проблемы экзистенциального эскапизма как

социокультурного феномена, рассматриваемого в контексте самоидентификации.

В параграфе 1.1. «Типы современного эскапизма и специфика экзистенциального эскапизма» рассматривается наиболее распространенное понимание эскапизма и приводятся примеры различных вариантов его классификации, а также обсуждаются отличия эскапизма от близких ему явлений («изгойство», «внутренняя эмиграция» и др.). Обычно понятием эскапизм обозначают мировоззрение или стиль жизни, подменяющий реальные отношения с миром на воображаемые. Во всех распространенных сегодня толкованиях эскапизм рассматривается главным образом как инструментальная стратегия социального поведения, служащая «бегству от...» повседневных практик контроля, отчужденности, анонимности жизни и являющаяся, формой адаптации индивида к условиям жизни в современном постиндустриальном обществе.

В параграфе дается также предварительное определение экзистенциального эскапизма, которое обосновывается в диссертации, в его отличии от других типов. Это отличие видится в том, что экзистенциальный эскапизм является не формой адаптивного поведения индивида к условиям жизни в современном обществе с его рутинами повседневности и формами социального контроля, выполняющей функцию бегства от их давления, а стратегией его самоидентификации, осознанного разрыва связей с другими и миром. Отмечается также парадоксальность феномена экзистенциального эскапизма, который является одновременно и актом свободного выбора своей идентичности и выражением социокультурных тенденций современного общества, детерминирующих этот выбор.

Кроме того, определяется специфика современного экзистенциального эскапизма в отличие от эскапизма античных кляпиков или стойков. Как отмечал В.В. Сильвестров, «философский итог античности трагичен». ¹ С.С. Аверинцев писал, что свобода для поздней античности неслучайно ассоциируется с запахом крови, растекшейся по ванне: стойк находит утешение лишь в том, что осознает космический порядок, которому он всецело подчинен. ² Античный эскапизм не мог отвергать Другого, поскольку в его мире возможность для Другого стать собственным смыслом жизни и свободы индивида просто

¹ Сильвестров В.В. Культура. Деятельность. Общение. М.: Изд-во РОССПЭН, 1998. С. 437.

² Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. С. 70.

отсутствовала. Современный экзистенциальный эскапизм приводит к разрыву с любыми социальными идентичностями и идентичностью с собой, не желая искать Другого, отторжению самой этой возможности ради утверждения собственной автономии.

Так же в параграфе рассматривается ряд явлений, которые имеют черты сходства с феноменом эскапизма, описанным выше, но отличаются от него: «эскапада» (выходка) – совершение поступков отделяющих человека от общества, нарушающих принятые в обществе нормы и тем самым создающих дистанцию между совершающим поступки человеком и, устанавливающим норму обществом; «выход» – разрыв связи со своей социальной группой без перехода в какую-либо другую, бывает сопряжен и с физическим изменением места пребывания человека (эмиграция), сменой состояния разума и социального положения, может и принимать форму затворничества в собственном доме или внутри собственной личности (уход от многих других, но путь к Другому – себе); «отторжение» – полный отказ от какой-либо социальной идентичности, окончательный разрыв с какими-либо социальными ограничениями ради предельного осуществления собственной автономии, представляет собой уже отчетливую манифестацию экзистенциального эскапизма.

В параграфе 1.2. *«Экзистенциальный эскапизм как проблема идентичности личности и ее культурной заданности»* рассматривается история применения понятия идентичности в социально-гуманитарном знании и психологии и обосновывается рассмотрение экзистенциального эскапизма в качестве способа самоидентификации. Понятие идентичность является краеугольным камнем данного исследования по двум причинам, происходящим из парадоксальности самого феномена эскапизма, обозначенной выше. Во-первых, эскапизм представляет собой выбор жизненной позиции человеком, т.е. является актом самоидентификации. Во-вторых, говоря об эскапизме как о социальном и культурном явлении, невозможно не затрагивать вопрос о факторах, заставляющих все большее число людей делать подобный выбор. Поэтому в параграфе рассматривается также понятие ментальности; оно позволяет поставить вопрос о формах культурной детерминации индивида, выбирающего свою стратегию самоидентификации в рамках отношений социокультурного контекста своей жизни.

Постулат о нормальности феномена экзистенциального эскапизма до некоторой степени противоречит большинству социально ориентированных теорий становления идентичности, в которых самоидентификация обусловлена

идентификацией с группой: ведь эскапист отвергает отождествление себя с группой. Но без встречи с другим нельзя сформировать дихотомическую сцепку «я-другой», чтобы потом разорвать ее, став эскапистом. Это приводит нас к мысли, что феномен эскапизма не столько противоречит теориям становления идентичности, сколько их продолжает. Если «инструментальный» эскапизм, понимаемый как способ «бегства от...» повседневности в альтернативную реальность, выступает в качестве средства адаптации индивида в постиндустриальном обществе через освобождение от подавляющей власти рутинных практик (В.А. Луков, 2010; Е.Н. Шагинская, 2011), то экзистенциальный эскапизм можно рассматривать как определенную стратегию самоидентификации через отторжение другого как возможного партнера с общей идентичностью.

В параграфе 1.3 *«Ксенофобия как условие и конститутивный момент экзистенциального эскапизма»* показано, что в случае экзистенциального эскапизма имеет место ксенофобический конфликт человека не с той или иной группой, а фактически со всеми окружающими его людьми, включая – в пределе – его самого; когда чужими становятся не только люди другой культуры или воззрений, но и любой человек.

В контексте данного исследования принципиально определить различие понятий «Чужой» и «Другой». Тонкая грань между этими понятиями определяется наличием коммуникации или хотя бы возможностью такой коммуникации: «Чужой – тоже Другой (и все другое), но такой, с которым нет коммуникации («обратной связи»), нельзя даже отчасти отождествиться с его позицией, присвоить ее, ведь нельзя же быть чужим самому себе (если, конечно, ты «в здравом уме»). Тот, кто себе свой, может быть и другим себе, но не может быть чужим»³. Обращаясь к концепции идентичности, можно сказать, что «другие» – это те, из кого состоит «мир», и те, с которыми же можно создавать «мы»-идентичность, в то время как «чужие» – это те, от кого необходимо избавиться в «мире», и с которыми нельзя ни при каких условиях создавать общий «мы»-концепт.

Чужой может вызывать страх настолько, что общество лишает его права и на участие на связь с миром. Это прекрасно видно на некоторых группах «однозначно чужих». Один из наиболее наглядных примеров – люди с психическими отклонениями, «безумцы», так как им отказано не только в «Мы» и «Мире», но и в «Я». Согласно М. Фуко «представление о сущности безумия», доставшееся нам по наследству от средневековых представлений,

³ Подорога В.А. Мимесис. М.: Культурная революция, 2006. С. 167.

устроено следующим образом. Роль практиковавшейся изоляции безумцев состоит в том, чтобы свести безумие к его истине (то есть, полностью исключить из дискурса разумного, присущего нам, тем, кто говорит о безумии извне). Иными словами, безумец рассматривается как Чужой уже не относительно социума, но относительно самого себя.

В самой культуре и в индивидуальном сознании существуют табу на смешение «своего и чужого». Невозможно также утратить «чужое» или «дать чужому вытеснить свое», это может привести к экзистенциальной катастрофе.

При крайней степени эскапизма человек становится чуждым самому себе, и следствием такого предельного самоотчуждения может стать попытка освобождения от себя – изъятие себя из мира как чужого миру. Это приводит человека к экзистенциальному тупику: принимая идентичность эскаписта, человек как бы отказывается от дальнейших возможностей развития идентичности, лишаясь Другого.

В параграфе 1.4 *«Проблема культурной маргинальности и эскапизм»* понятие маргинальности дифференцируется от понятия эскапизма. Делается вывод о том, что маргинальность, т.е. положение на границах культур и социальных общностей, нередко порождающее ксенофобию к маргиналам, может быть социокультурным и социально-психологическим проявлением эскапизма, но может и не иметь к нему отношения, являясь выражением миграционных или иных социальных и культурных процессов. В связи с анализом проблемы маргинальности в контексте философии постструктурализма (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делез и др.) отмечается, что в современном мире маргинальность становится характеристикой самой идентичности в той мере, в какой последняя предстает в качестве децентрированной. Причем свойственное маргиналу «невписывание» в культурные рамки в современной ситуации оказывается значимой тенденцией, т.е. «культурной рамкой», создающей благоприятную почву для формирования сознания эскаписта.

Представленная Р. Парком и Э. Стоунквистом концепция маргинальности и маргинального человека изначально основывалась на рассмотрении ситуации культурного конфликта, носителями которого выступали представители этнических групп. Понятие «маргинальность» связывалось с понятием «граница», которое предполагает представление о жестко структурированной действительности. Соответственно, маргинальность соотносится с «внеструктурностью», «неинтегрированностью». Эти коннотации маргинальности надолго определили контекст использования данного понятия,

а содержание понятия маргинальности в данном контексте стало преимущественно интерпретироваться как культурная маргинальность.

В дальнейшем, стало очевидным, что культурная маргинальность – лишь один из видов маргинальности (У.Г. Самнер, Р.К. Мертон, Э. Дюркгейм). Исследователи стали выделять социальную, ролевую, структурную и другие виды маргинальности (Я. Шгумски, Б.Ж. Манчини). Кроме того, были определены сущностные черты маргинала и его психологические особенности (А. Антоновски, Р. Мертон, Э. Стоунквист, Б. Скиннер, Т. Шибутани).

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что *маргинальность*, т.е. положение на границах культур и социальных общностей, нередко порождающее неприязненное отношение, ксенофобию к маргиналам, может быть социокультурным и социально-психологическим проявлением *эскапизма*, но может и не иметь к нему отношения, являясь выражением митрационных или иных социальных и культурных процессов.

В главе II «Реализации социальных утопий XX века как предпосылка экзистенциального эскапизма» анализируется значение провозглашенных Французской революцией XVIII века «естественных и неотъемлемых прав» человека как координат самоидентификации человека в условиях порожденного Новым временем социального порядка и трансформация этих идеалов в ответ на вызов идентичности человека, которым явились тоталитарные диктатуры XX в. Данная трансформация рассматривается нами как одна из предпосылок экзистенциального эскапизма в обществах современного типа (в понимании З. Баумана и Э. Гидденса).

В параграфе 2.1. «Классический либерализм как условие появления современного эскапизма» рассматриваются социальные и культурные изменения, произошедшие в Новое время и выразившиеся в формулировании утопического идеала Французской революции: «Свобода, равенство, братство» как координат самоидентификации человека в условиях распада традиционных общностей (и соответствующих социальных идентичностей людей), мешавших реализации нового социального и экономического порядка. В этих условиях высокую значимость приобретает выдвижение индивида (и, как следствие, рефлексии как формы его саморегуляции) на роль основы социальной мобильности, результатом чего становится индивидуализация рефлексии как условие самоидентификации в изменяющемся мире.

Свобода определяется в Декларации прав и обязанностей человека и гражданина 1795 года следующим образом: «Свобода состоит в возможности делать всё, что не наносит вреда правам другого». Для человека

провозглашение «Свободы» как естественного и неотъемлемого права человека расширяло до бесконечности возможности выбора образа своего «Я», возможности самореализации. «Братство» (*«Не делай другим того, что не хотел бы получить сам; делай по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы по отношению к себе»*) подчеркивало природное, сущностное родство всех людей и требовало относиться к ним как к ближним. Идея «Равенства» (*«Все люди равны по природе и перед законом»*) возвещала человеку, конечно, в случае признания единого Закона, раздвижение пределов его «Мы»-группы до невообразимых пределов, из чего следует, что все имеют равный доступ ко всем должностям и занятиям согласно способностям, но без каких-либо иных различий.

Французской революции не удалось реализовать эти три составляющие счастья, но разные режимы уже в XX веке пытались повторить этот опыт, правда, каждый раз делая акцент на одной из составляющих утопического идеала. При этом сложилось представление о том, что государственный режим обязан предоставить ответы на базовые вопросы социума, что стало причиной единого европейского представления о социальной ответственности правящего режима.

В параграфе 2.2. *«Кризис самоидентичности в условиях тоталитарных режимов XX века как предпосылка эскапизма»* анализируется предложенное тоталитарными режимами XX в. решение порожденного Новым временем кризиса традиционной формы социальной идентичности. Этот кризис породил проблему индивидуальной самоидентификации и обусловленную ею необеспеченность существования индивида в новом социальном и экономическом порядке. В тоталитарных режимах человек выпуждался к самоидентификации с искусственно конструируемыми мы-группами, гарантирующими одну из составляющих утопического идеала (равенство или братство) в обмен на личную свободу индивида. В параграфе показано, как абсолютизация ценности мы-идентичности закономерно приводила к ксенофобическому отторжению мы-групп, отличающихся от доминирующей по содержанию идентичности. Более того, отказ от личной свободы приводил к проникновению отчуждения также и в доминирующие мы-группы: ксенофобия становилась их внутренней характеристикой, порождая подозрительность и доносительство. Ксенофобическое отторжение иных мы-групп закономерно вело к стигматизации их членов, а также к феноменам «изгойства» и «внутренней эмиграции», отличие которых от экзистенциального эскапизма

состоит в том, что индивиды-изгой или «внутренние эмигранты» сохраняли идеал неотчужденной мы-группы.

Также в параграфе рассмотрен феномен диссидентства как явления в определенных отношениях близкого эскапизму, чтобы охарактеризовать его сходство и отличие от последнего. Показано как в рамках системы государственной ксенофобии, происходило конструирование в качестве «чужих» некоторых стратегий индивидуальной или групповой самоидентификации, которые получали стигму «преступников» или «безумцев». Соответственно, люди, вольно или невольно выбравшие эти стратегии, оказывались в положении «изгоев» или «внутренних эмигрантов». В отличие от случая экзистенциального эскапизма, как правило, мир этих людей не исключал возможного Другого, встречи с которым они часто искали. Современное же эскапистское сознание формируется в мире, который подталкивает его к мысли о принципиальной ненужности Другого.

Опыт тоталитаризма стал вызовом для всего социального порядка, порожденного Новым временем, и ответом на него, с одной стороны, стала реализация идеи социального государства в большинстве стран послевоенной Европы, а с другой – абсолютизация ценности свободы индивида. Оба эти фактора стали предпосылками формирования культурной тенденции, которая способствовала появлению экзистенциального эскапизма.

В параграфе 2.3. *«Эскапизм как стратегия реализации свободы в современной культуре»* рассматривается трансформация понимания свободы, ответственности, автономии личности, произошедшая в современной культуре, заданной как своими параметрами консьюмеризмом, абсолютизированным индивидуализмом и виртуализацией мировосприятия (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Д.В. Иванов, А.В. Костина, В.А. Луков, А.И. Шендрик и др.). В результате этих трансформаций кардинально изменилась стратегия формирования Я-концепции: теперь человек может создавать себе фактически бесконечное количество «Я», противоречивых, но социально реализованных, которые благодаря их виртуализации легко как создавать, так и «убивать». Его существование приобретает черты особой формы самоотчуждения, специфика которого состоит в последовательном отторжении Другого как ограничивающего его свободу. Экзистенциальная встреча с Другим, в смысле Левинаса, становится невозможной, поскольку отторгается за ненужностью. Путь от эскапады до крайнего варианта эскапизма – самоотчуждения, суицида (в случае интернет-реальности, возможно, виртуального, но не только) оказывается гораздо короче.

Мы будем рассматривать свободу, в первую очередь, как возможность самостоятельного построения своей я-идентичности, ответ на вопрос, кто я и к чему стремлюсь в этом мире, в этом смысле – речь идет о свободе выбора образа своего «Я». Я-идентичность эскаписта, в логике постструктурализма Барта и Деррида, является децентрированной, существующей в ситуации постоянного сдвига. В контексте этой децентрированной идентичности претерпевает радикальную трансформацию принцип индивидуальной автономии, лежащий в основе либерализма. Эта трансформация является результатом изменения модуса ежедневного бытия: быта и прочих повседневных практик (выражением этого изменения повседневности является, в частности, то, что сейчас, в эпоху, для которой, по Н. Элиасу, характерен сдвиг баланса между «Я» и «Мы» в сторону «Я»⁴, в отличие от предыдущих эпох, в одиночку прожить легче, чем вдвоем и, тем более, чем в семье).

С одной стороны, самоидентичность эскаписта строится на доведении до предела принципа автономии личности (впервые сформулированного Кантом). С другой, современный эскапист, в отличие от автономного человека Канта, свободен не только от традиций, практик, но и от соотношения себя с Другим как таковым, и даже от соотношения себя с требованиями своего тела, так как от него можно всегда избавиться. Фактически, мы имеем дело с абсолютизированным концептом свободы индивида в мире виртуальной реальности, которая перестает быть для эскаписта не только содержанием «свободы-для», поскольку нет того, ради чего эскапист мог бы жить, но и «свободой-от». Последняя предполагает освобождение от Другого, от социальных связей и т.п., но мир эскаписта просто не предполагает их существования и потому эскаписту нет нужды рвать эти связи и освобождаться от другого. Подробнее о виртуализации мира и ее последствиях будет сказано ниже.

В главе III «Экзистенциальный эскапизм в перспективе проблемы смыслоутраты» исследуется феномен эскапизма как смысложизненная стратегия особого типа. Говоря о крайней степени эскапизма – философском суициде, «вольной смерти» (С.С. Аванесов), необходимо обратиться к анализу таких фундаментальных понятий философии, как проблема смысла жизни и экзистенциальный вакуум.

В параграфе 3.1. «Проблема «смысла жизни» и экзистенциальный эскапизм» рассматривается история проблематизации смысла жизни, особое внимание в которой уделяется анализу взглядов и жизни С. Кьеркегора, а также

⁴ Элиас Н. Общество индивидов. М.: Практика, 2001. С. 280.

представлениям экзистенциальной философии (М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Р. Бульмана, П. Тиллиха, А. Камю) и концепции В. Франкла. Биография и труды С. Кьеркегора рассматриваются как некоторая попытка бегства из «я»; при этом из стадии «выхода», внутренней эмиграции Кьеркегор делает шаг в сторону эскапизма, характерного для современного общества («отторжения»). Предпосылкой экзистенциального эскапизма является смыслоутрата, возникающая в ситуации экзистенциального вакуума. В жизненных координатах традиционного образа жизни смысл и траектория человеческой жизни определяется ещё до рождения принадлежностью к определенной группе. В Новое время возникла социальная ситуация, породившая недоверие к подобной предопределенности, что стало предпосылкой экзистенциального кризиса. Экзистенциализм представил рефлексию человека, оказавшегося в ситуации подобного кризиса, для которого смысл жизни больше не может быть определен исходя из картины мира, в котором он себя находит. Экзистенциальный кризис порождает утрату смысла. Вопрос, в чем человек может найти надежду на позитивное бытие в отчужденном и абсурдном мире, является темой А. Камю. Постулируя изначально мироощущение человека как абсурдное, он исследует его в качестве изначально заданной характеристики человеческого существования. Ответом на абсурд существования в мире, с точки зрения Камю, является непримиренность с абсурдом, поэтому он не считает самоубийство достойным человека ответом на ситуацию смыслоутраты. Таким ответом, по Камю, является бунт, который представляет собой путь к экзистенциальной свободе, освобождению от прогрессистских иллюзий, обращение от социума к себе. Причем бунт – это не тотальный эскапизм, не «вольная смерть», а своеобразная внутренняя эмиграция, необходимая для движения от эскапизма (бегства от реальности абсурда) к идеалам человеческого сообщества, которое сможет преодолеть абсурд.

В параграфе 3.2. «*Экзистенциальный вакуум и эскапизм*» анализируются понятие экзистенциального вакуума, введенное В. Франклом и его причины в мироощущении человека XX в. Обсуждается значение Второй мировой войны и опыта тоталитарных режимов в возникновении кризиса идентичности современного человека и формировании предпосылок экзистенциального эскапизма. Эскапизм характеризуется как одна из стратегий самоидентификации человека, оказавшегося в ситуации экзистенциального вакуума и смыслоутраты (наряду с конформизмом и тоталитаризмом, которые выделяет В. Франкл). С концепцией фундаментальности смысла для существования человека, предложенной Франклом, сопоставлена концепция

А. Маслоу, согласно которой условием перехода к ценностной мотивации от потребностной является удовлетворение базовых потребностей. Описанный Франклом экстремальный опыт нацистских лагерей показал, что люди с развитыми духовными интересами подчас лучше выживали физически, т.е. основой существования являлась именно духовная сфера, в основе которой лежит, по Франклу, способность к самотрансценденции. Напротив, анализ феномена эскапизма показывает, что удовлетворение «низших» потребностей в современном обществе изобилия может сопровождать ощущение смыслоутраты. Эскапизм выражает собой стремление к выходу из тотальной симуляции реальности в современной культуре в построение собственной идеичности, осуществляемое в ситуации смыслоутраты и невозможности самотрансценденции, которая могла бы вывести из данной ситуации. Пути экзистенциального выхода из данной ситуации характерным образом свидетельствуют либо о ситуативности смысла (А. Лэнгле), что подтверждает его тотальное отсутствие в мире как таковом, виртуальный характер самой реальности, либо о такой направленности на встречу с Другим, которой достаточно лишь собственного устремления к Другому, не обусловленного его ответом (Э. Левинас). Эскапизм как стратегия жизни предлагает индивиду довольствоваться самим собой – без смысла и без Другого, что закономерно ведет его к выходу из Мира – к самоубийству. Этой стратегии соответствует и описанная Бауманом стратегия фланера, который уходит в реальность виртуальную, эмигрируя в себя. В современной России проблема экзистенциального вакуума является особенно актуальной: переход от общества, строившегося на принципах социалистической идеологии, к более свободному устройству, сопровождался неизбежным крушением социально заданных ценностей. В ситуации пересмотра ценностей ответственность за поиск смысла собственной жизни легла на плечи каждого человека, к чему многие оказались не готовы; это, в свою очередь, привело к росту поведения, фактически ведущего к саморазрушению и самоубийству.

В параграфе 3.3 *«Феномен эскапизма в перспективе отношения к проблеме смерти современного человека»* рассматривается направленность последовательного экзистенциального эскапизма на самоуничтожение и эволюция восприятия самоубийства в истории культуры и истории научной и философской мысли (А.Ф. Кони, Э. Дюркгейм, У. Джеймс, Н.А. Бердяев, К. Ясперс, Д. Юм, В.И. Красиков и др.). Традиционные концепции суицида, построенные на статистике, мотивациях и каузальности, не могут дать экзистенциального, глубинного представления о ситуации перед которой стоит

отдельный человек. В обществе всегда существует необходимость согласования поведения отдельных индивидов и всегда существует определенная свобода выбора, в том числе, и возможность нарушения действующих норм. Но сами нормы, когда мы говорим о суициде, опираются на представления о соотношении жизни и смерти.

Философский суицид одновременно являет собой и волевой акт, и акт вольности – предельный отказ от какого бы то ни было должностования. В этом смысле философский суицид есть акт предельного эскапизма – отказ от долга перед кем-либо кроме себя самого и одновременно отказ от пребывания в мире. В современной культурной ситуации, поскольку в анонимном обществе отсутствует место для Другого, экзистенциальный эскапизм (и самоубийство как его предельный случай) представляет собой закономерную стратегию самоидентификации для человека, оказавшегося перед лицом смыслоутраты и потери Другого.

Можно утверждать, что предпосылкой экзистенциального эскапизма является смыслоутрата, возникающая в ситуации экзистенциального вакуума. Если в жизненных координатах традиционного образа жизни смысл и траектория человеческой жизни определяется ещё до рождения принадлежностью к определенной группе, то экзистенциализм представляет рефлексию человека, для которого смысл жизни больше не может быть определен исходя из картины мира, в котором он себя находит. Ситуация, когда возникает недоверие подобной предопределенности, обычно становится предпосылкой экзистенциального кризиса. Экзистенциальный кризис – это внезапное острое осознание того, что человек не знает, зачем ему дана жизнь, возникает ощущение непринадлежности к другим людям, порождающее острое чувство одиночества в толпе. Опыт Второй мировой войны и тоталитарных режимов явился фактором порождения кризиса идентичности современного человека и формирования предпосылок экзистенциального эскапизма, спровоцировав глубокий экзистенциальный кризис послевоенного поколения. В ситуации экзистенциального вакуума и смыслоутраты эскапизм стал одной из стратегий самоидентификации человека, наряду с конформизмом и тоталитаризмом (которые выделяет В. Франкл). Эскапизм выражает собой стремление к выходу из тотальной симуляции реальности в современной культуре в построение собственной я-идентичности. Пути экзистенциального выхода из данной ситуации характерным образом свидетельствуют либо о ситуативности смысла (А. Лэнгле), что подтверждает его тотальное отсутствие в мире как таковом, виртуальный характер самой реальности, либо о такой

направленности на встречу с Другим, которой достаточно лишь собственного устремления к Другому, не обусловленного его ответом (Э. Левинас). Эскапизм как стратегия жизни предлагает индивиду довольствоваться самим собой – без смысла и без Другого, что закономерно ведет его к выходу из Мира – к самоубийству. Этой стратегии соответствует и описанная Бауманом стратегия фланера, который уходит в реальность виртуальную, эмигрируя в себя. Философский суицид строится на установлении жесткой семантической связи между «свободой» и «волей», концепт воли содержит в себе как модальность максимального долженствования, так и отрицание долженствования в пользу случайностей и собственных желаний. Философский суицид есть акт предельного эскапизма – отказ от долга перед кем-либо кроме себя самого и одновременно отказ от пребывания в мире. В современной культурной ситуации экзистенциальный эскапизм (и самоубийство как его предельный случай) представляет собой закономерную сейчас для культуры стратегию самоидентификации для человека, оказавшегося перед лицом смыслоутраты и потери Другого.

В **Заключении** работы подводится итог проведенному в диссертации анализу экзистенциального эскапизма как феномена современного общества. С одной стороны именно в крайних формах эскапизма современное общество сталкивается с деструктивной стратегией выхода из экзистенциального кризиса, с другой – в условиях современного анонимного, отчужденного общества – с нормальной для данной социокультурной ситуации фазой рефлексивного существования человека. Позитивный смысл эскапизма состоит, таким образом, в том, что эскапизм является осознанной стратегией поведения в экзистенциальном вакууме, характерной для жизни обитателя современного европейского общества. Осознанность этого кризиса в эскапизме делает последний феноменом, проявляющим точку бифуркации, в которой возможна открытость Другому или отказ от него. Крайняя форма эскапизма – самоубийство – одновременно является свидетельством экзистенциальной потребности в подлинной встрече с Другим. Феномен экзистенциального эскапизма таким образом ставит проблему подлинности существования в современном мире и изучение его истоков является сейчас одной из фундаментальных проблем философии и социогуманитарного знания.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Литинская Д.Г. Новые стратегии экзистенциальных выборов в мире современного мегаполиса: эскапизм // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. № 9. С. 79-84 (0,4 п.л.).

2. Литинская Д.Г. Истоки эскапизма как культурной тенденции современности: виртуализация реальности в конце XX века // Научное обозрение. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 5. С. 94-100 (0,4 п.л.).

3. Литинская Д.Г. Феномен экзистенциального эскапизма в современной культурной ситуации // Вопросы культурологии. 2012. №4. С. 45-49 (0,4 п.л.).

4. Литинская Д.Г. Стигматизация: к проекту анализа // Культурно-исторический подход и исследование процессов социализации: Материалы пятых чтений памяти Л.С.Выготского / РГГУ, Междунар.конф. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2005. С. 80-86. (0,4 п.л.).

5. Литинская Д.Г. Мифология ВИЧ // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 23. С. 157-163 (0,4 п.л.).

6. Литинская Д.Г. Дети врагов народа // Индекс. Досье на цензуру. 2005. №23. С. 178-184 (0,4 п.л.).

7. Литинская Д.Г. Гомосексуальность и внутрисемейная коммуникация // Девиация семьи и семейных отношений: социальный контроль в образовательном учреждении / Материалы II Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во ГОУ СОШ №587, 2008. С. 128-131 (0,2 п.л.).

8. Литинская Д.Г. Суицид в норме как акт крайнего эскапизма // Девиация и ее креативный потенциал в развитии социальных процессов: образовательное учреждение как институт реализации принципа равных возможностей / Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во ГОУ СОШ №587, 2009. С. 174-180 (0,3 п.л.)

9. Литинская Д.Г. Эскапизм и виртуальный суицид как феномены современного открытого информационного пространства // Девиация и обеспечение интеллектуальной безопасности образовательного пространства. Проблемы. Пути. Решения. // Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во ГОУ СОШ №587, 2010. С. 119-125 (0,3 п.л.).

10. Литинская Д.Г. Суицидальность в норме: эскапизм как тенденция самоопределения молодых людей в современном мире // Психология

образования: социально-культурный ресурс Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». VI Всероссийской научно-практической конференции. М.: Изд-во ГОУ СОШ №587, 2010. С. 175-177 (0,2 п.л.).

11. Литинская Д.Г. Типы современного эскапизма и дифференциация феномена экзистенциального эскапизма от близких ему явлений // Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та «Социум», 2010. № 126. С. 157-162 (0,4 п.л.).

12. Литинская Д.Г. Стигматизация в современной молодежной среде: от эстетики к этическому наполнению // Девиация и влияние миграционных процессов на образовательную среду. Сборник научных статей V Международной научно-практической конференции. Т.1 теория и исследования, М.: Изд-во ГОУ СОШ №587, 2011. С. 112-118 (0,4 п.л.).

13. Литинская Д.Г. Модус современной культурной ситуации как фактор формирования новых стратегий социализации: феномен эскапизма // Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры. Материалы XII чтений памяти Л.С.Выготского / РГГУ, Междунар. конф. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2011. С. 41-45 (0,3 п.л.).

Подписано в печать 21.05.2012 г. Заказ № 576

Формат 60x80 1/16. Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.

Издательство ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»

111395, г. Москва, ул. Юности, 5/1

4 2 - 1 6 5 4 7

06.2

2012091407